

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра русской и зарубежной литературы

ПОЭТИКА МЕЖТЕКСТОВЫХ СВЯЗЕЙ В ПОВЕСТИ Н. А. МЕЛЬГУНОВА «КТО ЖЕ ОН?»

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

студентки 4 курса 401 группы
направления 44.03.01 – Педагогическое образование
(профиль «Филологическое образование»)
Института филологии и журналистики

ГАНИНОЙ ПОЛИНЫ ДМИТРИЕВНЫ

П. Ганина

Научный руководитель
профессор, д.ф.н., профессор
должность, уч. степень, уч. звание

_____
подпись, дата

А.А. Демченко
инициалы, фамилия

профессор, д.ф.н., доцент
должность, уч. степень, уч. звание

А.Л. Фокеев
подпись, дата

А.Л. Фокеев
инициалы, фамилия

Зав. кафедрой
к.ф.н., доцент
должность, уч. степень, уч. звание

Ю.Н. Борисов
подпись, дата

Ю.Н. Борисов
инициалы, фамилия

Саратов 2016

ВВЕДЕНИЕ

Н.А.Мельгунов относится к числу писателей «второго ряда» русской литературы, а его творчество, в частности вершинное произведение автора - повесть «Кто же он?» (1831), не становилось еще предметом специального исследования. В литературоведческих работах имя писателя встречается единично, как правило, в контексте изучения литературного феномена «русского гофманизма» первой волны, а также «следов влияния» западноевропейской литературы в русской романтической прозе. В немногочисленных упоминаниях повести «Кто же он?» в литературоведческих трудах В.М.Марковича¹, К.В.Головы², В.П.Мещерякова³ сложилась традиция осмысления произведения как симптоматического явления русской романтической прозы начала 30-х годов, обращенной к миру «тайн и ужасов»

Актуальность и сопряженная с ней **научная новизна** настоящей работы определяется отсутствием специального литературоведческого исследования, посвященного поэтике фантастического в повести Н.А.Мельгунова «Кто же он?». В настоящей работе фантастика в повести Мельгунова осмысливается как приём, ориентированный на сознательное столкновение в текстовом пространстве произведения стихий «былого» и «небывалого», вступающих в сложное взаимодействие. Рассмотренная в свете литературно-критических воззрений автора, повесть «Кто же он?» представляется оригинальным художественным исследованием, предметом которого автор избирает знаковый для русской общественной и культурной жизни первой трети XIX века - комедию А.С.Грибоедова «Горе от ума».

---

¹ Карпов А.П. Н.А.Мельгунов/ Русская фантастическая проза эпохи романтизма. - Л., 1990. - С. 614-620

² Голова К.В. Рецепция творчества Э.Т.А. Гофмана в русской литературе первой трети XIX века // Автореф. ... дис. канд. филологич. наук. Магнитогорск, 2006. — 25 с.

³ Мещеряков В. П. А. С. Грибоедов: Литературное окружение и восприятие (XIX — нач. XXв.). — Л.: Наука, 1983.

В связи с этим **объектом исследования** является творчество Н.А.Мельгунова, в частности его повесть «Кто же он?».

Предмет исследования - фантастические образы и мотивы, их поэтика и функции в художественной структуре повести Н.А.Мельгунова «Кто же он?».

Цель настоящей работы - выявление структурных особенностей текстовой организации повести Н.А.Мельгунова «Кто же он?», определение сущности романтической фантастики в художественной ткани повести и её функции в раскрытии авторского замысла.

В рамках поставленной цели должны быть решены следующие **задачи**:

1. Рассмотрение жанровых особенностей русской романтической повести;
2. характеристика «завуалированной фантастики» как типологической разновидности русской романтической прозы;
3. проведение интертекстуального анализа повести Н.А.Мельгунова «Кто же он?» текста и определение функции интертекста в структуре авторского замысла;
4. выявление специфики соотношения категорий реального и фантастического в художественном мире текста;
5. предложение методической разработки урока с использованием фрагмента текста повести Н.А.Мельгунова «Кто же он?».

Инструментарий исследования составил комплексный подход к анализу художественного произведения, включающий приемы наблюдения, сравнения, структурного анализа, стратегию рецептивного и интертекстуального анализа.

Методологической базой настоящего исследования являются работы по теории литературы Ю.М.Лотмана⁴, Н.Л. Лейдермана⁵, труды по теории

---

⁴ 1) Лотман Ю.М. «Задумчивый Вампир» и «Влюбленный бес»// Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3 т. – Таллин, 1992. – Т 3. – С. 402-406; 2) Лотман Ю.М. Сюжетное пространство русского романа 19 столетия // Лотман Ю.В. Избранные статьи: в 3 т. – Таллин, 1993. – Т.

новеллы: в частности, фундаментальный труд Е.М.Мелетинского «Историческая поэтика новеллы»⁶, а также исследования В.М.Жирмунского⁷ Н.Я.Берковского⁸, С.В. Тураева⁹, Ф.П.Федорова¹⁰, М.И.Бента¹¹ в области западноевропейского романтизма, работы Ю.В.Манна¹², Б.С.Мейлаха¹³, Е.А.Суркова¹⁴, В.Ю.Троицкого¹⁵, посвященные художественному своеобразию русской романтической прозы, исследования в области литературной фантастики и интертекста Р. Лахманн¹⁶, Ц. Тодорова¹⁷, Ю.В.Шатина¹⁸.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии, включающей 127 наименований.

---

3. – 495 с.; 3)Лотман Ю.М. Текст в тексте/ Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3 т. – Таллин, 1992. – Т 1. – С. 148-161.

⁵ Лейдерман Н.Л. Теория жанра — Екатеринбург, 2010. 904 с.

⁶ Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. — М., 1990. — 278 с.

⁷ 1) Жирмунская Н. Примечания // Э.Т.А. Гофман. Новеллы. Л., 1990. — С.590-606; 2) Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. — Л., 1978. — 423 с.; 3) Жирмунский В.М. Из истории западноевропейских литератур. — Л., 1981. — 303 с.; 4) Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика. — СПб., 1996.

⁸ Берковский Н. Я. Э.-Т.-А. Гофман/ Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. — Л., 1973 — С.463-539.

⁹ Тураев С. В. Литература начала XIX в.: [Немецкая литература]. // История всемирной литературы: В 8 томах — М., , 1983—1994. — Т. 6. — 1989. — С. 36—51.

¹⁰ 1) Федоров Ф.П. Художественный мир немецкого романтизма. — М., 2004. — 368 с.; 2) Федоров Ф.П. Романтический художественный мир: пространство и время. — Рига, 1988 — 454 с.

¹¹ Бент М.И. Немецкая романтическая новелла: Генезис, эволюция, типология. — Иркутск, 1987. -120 с.

¹² 1) Манн Ю.В. Диалектика художественного образа. — М., 1987. — 320 с.; 2) Манн Ю.В. Динамика русского романтизма. — М., 1995, — 384 с.; 3) Манн Ю.В. Литература в первой половине XIX века / История всемирной литературы: В 8 томах — М., С. 284-292.; 4) Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. — М., 1996. — 474 с.; 5) Манн Ю.В. Проза и драматургия второй половины 20-х — 30-х годов // История всемирной литературы. Т. 6. — С.349-357.; 6) Манн Ю.В. Русская философская эстетика. — М., 1998. — 381 с.

¹³ Мейлах Б.С. Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. — Л., 1973 — 260 с.

¹⁴ Сурков Е.А. Русская повесть первой трети XIX века: генезис и поэтика жанра. - Кемерово, 1991 – 160 с.

¹⁵ Троицкий В.Ю. Художественные открытия русской романтической прозы 20-30 гг. XIXв. – М., 1985.

¹⁶ Лахманн Р. Дискурсы фантастического.— М., 2009. — 384 с.

¹⁷ Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу: Моногр. / Пер. с франц. Б. Нарумова. – М., 1997. – 144 с.

¹⁸ Шатин Ю.В. Минея и палимпсест//Ars interpretandi. Новосибирск, 1997. С. 222-225.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии, включающей 127 наименований.

Глава 1 «Жанровое своеобразие романтической повести в русской литературе первой трети XIX века», посвященная выявлению специфических жанровых особенностей русской романтической повести, состоит из трех параграфов.

В параграфе 1.3. «К вопросу о соотношении терминов новелла и романтическая повесть» дается обоснование терминологического аппарата исследования. Отмечается, что основным для настоящего исследования с методологической точки зрения является термин «новелла», однако применительно к произведениям русской романтической прозы мы опираемся на отечественную литературоведческую традицию, в русле которой наиболее широким терминологическим определением изучаемого жанра представляется «романтическая повесть».

В параграфе 1.2. - «Новелла в жанровой системе романтической прозы» - излагаются ключевые положения теоретических работ, посвященных жанровой природе новеллы как литературного жанра и преломлению новеллистических повествовательных принципов в эстетике романтизма. Важность обращения к проблеме жанровых особенностей новеллы в ходе изучения русской романтической прозы обусловлена их генетической связью: система малых повествовательных жанров в русской литературе эпохи романтизма формировалась под значительным влиянием западноевропейской традиции, для которой новелла была одним из основных - наравне с романом - романтическим жанром.

Параграф 1.3. «Жанровое своеобразие русской романтической повести первой трети XIX века» посвящен рассмотрению поэтики произведений малых повествовательных жанров в русской литературе эпохи романтизма, получивших в литературоведении условное название «романтическая повесть». Романтическая повесть в русской литературе

начала XIX века представляет собой явление сложное и разнообразное, терминологическое наименование жанровых вариаций предлагается исследователями в зависимости от проблематики и выбора сюжета. Делается попытка выделить ряд жанрообразующих признаков русской романтической повести, в число которых входят: *глубоко социальная направленность жанра, синкретизм* - синтез фольклорной традиции и жанровых особенностей баллады и романтической поэмы, *своеобразие жанровой структуры* повести: *концентрированность* и *напряженность сюжета, фрагментарность композиции, лиризм*, интерес романтиков к ирреальной сфере бытия, чем обусловлено появление литературного феномена *романтической фантастики*, функция которой исторически трансформируется от способа постижения мира во всем его многообразии к номинальному, формальному использованию элементов чудесного в произведениях с реалистической проблематикой; *диалогичность* - определяется ее журнальным бытованием: диалог, часто составляющий обрамление романтического повествования, выходит за рамки текста, и одним из его участников становится читатель.

В параграфе 1.4. «Явление «завуалированной фантастики» в истории русской романтической прозы» рассматривается одна из жанровых разновидностей романтической повести - повесть фантастическая. Дается обзор основных источников романтической фантастики, к числу которых относятся стихия народной поэзии - фольклор, славянская и античная мифология, балладный мир «больших чудес», готический роман, западноевропейская романтическая традиция, прежде всего творчество Э.Т.А.Гофмана. Также рассматриваются ключевые приемы структурной организации романтического текста: система «точек зрения» и образ повествователя, принцип диалога-дискуссии, поэтика «лирических опорных пунктов».

Особое место отведено освещению понятия «завуалированной фантастики», под которой традиционно понимается такой способ построения

произведения, при котором «граница между фантастикой и реальностью подвижна, так что переход из одной области в другую протекает почти незаметно». Обосновывается актуальность вопроса о расширении содержательного наполнения термина «завуалированная фантастика» за счет не только эстетического, но и функционального соотношения категорий реального и фантастического в художественном тексте.

В главе 2 «Повесть Н.А.Мельгунова «Кто же он?»: специфика художественной структуры произведения» рассматриваются особенности поэтики произведения в контексте литературно-критических исканий писателя и отражает попытку представить интертекстуальный пласт повести как целостную систему – палимпсест, в котором каждый текст занимает свое место в иерархии взаимосвязанных прецедентных текстов и раскрывает разные аспекты авторского замысла.

Параграф 2.1. «Творчество Н.А.Мельгунова в системе литературно-критических исканий автора» дает представление о системе литературных и общественных взглядов писателя, который находят свое отражение в его художественном наследии.

Параграф 2.2. «Система «покровов» как структурообразующий принцип повести Н.А.Мельгунова «Кто же он?»» содержит описание повествовательной техники, принцип которой в предисловии к «Рассказам...» автор формулирует следующим образом: «Во всем нужна мера. <...> Ни голой правды, ни голого вымысла. Правда стыдлива и носит покров; но этот покров должен не скрывать, а только прикрывать ее строгие формы»¹⁹. Понятие «покрова» в авторской терминологии соотносится с литературоведческим пониманием интертекста: отличительной чертой поэтики повести является разветвленная система межтекстовых связей, все линии которой сходятся к фигуре центрального героя-протоя Вашиадана.

Осмыслению категории «былого» посвящен **параграф 2.4. «Специфика текстовой организации пласта «былого» в повести**

---

¹⁹ Мельгунов Н.А. Рассказы о былом и небывалом. - М., 1834. Т.1. С. 4.

Н.А.Мельгунова «Кто же он?»: рецепция комедии А.С.Грибоедова «Горе от ума»». Воссоздавая общую атмосферу, создавшуюся вокруг первой попытки сценического воплощения «Горя от ума», Мельгунов зеркально воспроизводит изображенное Грибоедовым «фамусовское» общество, предлагает свой ответ на вопрос о том, победитель ли Чацкий, и, выходя в своем художественном исследовании за пределы центрального конфликта грибоедовской комедии, обращается к традиционно романтической проблеме противостояния художника-творца и общества.

Параграф 2.5. «Палимпсест как принцип структурной организации пласта «небывалого» в повести» включает несколько подпараграфов, подробно рассматривающих каждый их уровней интертекстуальной структуры повести, которая может быть описана через понятие палимпсеста, представляющего собой «иерархию просвечивающих друг через друга текстов вплоть до главного - архитекста»²⁰,

В параграфе 2.5.1. «Поэтика фольклорно-мифологических и литературных аллюзий» рассматривается первый уровень палимпсеста, который составляет, как было уже отмечено, архитепическая фабула и ряд упоминаний образов, отсылки к которым в романтической традиции традиционны. Эти имена возникают в пределах организуемой автором литературной игры с читателем, главный вопрос которой вынесен в заглавие: «Кто же он?». Своеобразие этого слоя состоит в том, что имена, которые, казалось бы, должны объяснить читателю загадку Вашиадана, оказываются «ложными ключами», в сущности, в точности воспроизводящими читательский «горизонт ожидания».

В параграфе 2.5.2. «Поэтика шекспировских аллюзий: Чацкий и Гамлет в художественном пространстве повести» исследуется одна из наиболее сложно созданных писателем межтекстовых связей. «Гамлет» - текст, к которому традиционно обращались романтики в ходе своих

---

²⁰ Шатин Ю.В. Минея и палимпсест//Ars interpretandi. - Новосибирск, 1997. С. 222.

художественных исканий, однако в повести «Кто же он?» функция гамлетовских аллюзий связана с истолкование образа Чацкого: соединяя эти образы в фигуре героя-протоя, автор решает задачу их художественного сопоставления, тогда как прямое, литературно-критическое их сопоставление, по замечанию Ю.Ф.Флоринской, “впервые было заявлено в русской критике <...> во второй половине XIX в.”²¹.

Параграф 2.5.3. «Поэтика и функции «гофмановского текста»: художник и общество как центральный конфликт повести Н.А.Мельгунова «Кто же он?»» раскрывает природу связи повести с традицией Э.Т.А.Гофмана. Влияние гофмановской традиции, помимо частных деталей, обнаруживается в центральном конфликте повести, развитие которого заключено в «грибоедовских» сценах. Внешний конфликт, связанный с постановкой «Горя от ума» в сюжете повести, локален, тогда как конфликт внутренний представлен отношениями косного в своих представлениях об искусстве общества и автора, чье имя не звучит в тексте повести, включаясь в ряд значимых умолчаний. Этот конфликт разрешается писателем в романтической ключе – общество отвергает художника-творца, объявляя его безумцем.

Глава 3. «Использование фрагментов повести Н.А.Мельгунова «Кто же он?» в системе школьного изучения комедии А.С.Грибоедова «Горе от ума»» имеет методическую направленность и предлагает один из возможных вариантов использования повести Н.А.Мельгунова «Кто же он?» в школьной практике. Глава содержит разработку урока в 9 классе, заключительного в изучении комедии А.С.Грибоедова «Горе от ума» и предполагающего знакомство с ее сценической историей и оценками критиков.

---

²¹ Флоринская Ю. Ф. Чацкий и Гамлет // А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. — Л., 1977. — С. 30.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Характерной чертой беллетристики Мельгунова становится ее критико-литературная ориентация: попытка в художественной форме дать характеристику значимых литературных и культурных фактов современности. Повесть «Кто же он?» становится закономерным продолжением литературно-критических и литературоведческих исканий автора, которые он пытается облечь в художественную форму, обращаясь к наиболее популярному жанру 30-х годов XIX века — повести, ставшему, по определению В.Г.Белинского, «формой времени».

Н.А.Мельгунов избирает повествовательную технику, основанную на создании в художественном пространстве повести системы «покровов», возведенной в статус текстообразующего принципа. Фантастический сюжет, определяющий стихию «небывалого» в повестях, становится лишь внешней оболочкой, ориентированной на привлечение читателя, тогда как содержательную основу повестей составляют вопросы о «былом»: автор «изнутри» исследует поэтику романтической повести, строя свое исследование как художественный диалог с писателями-предшественниками.

Структурно поле межтекстовых связей повести Мельгунова может быть представлено как иерархия трех взаимосвязанных уровней.

Первый, наиболее явный, уровень определяется лежащей в основе сюжета повести типичной для романтической литературы фабулой, которая в литературоведении определяется как фабула о «зловещем госте», «влюбленном бесе»²², «колдуне-предателе»²³, «любви демона к девушке-христианке»²⁴.

---

²² Лотман Ю.М. «Задумчивый Вампир» и «Влюбленный бес»/ Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3 т. – Таллин, 1992. – Т 3. – С. 402-406.

²³ Назиров, Р.Г. Фабула о колдуне-предателе // Вопросы литературы. - 2012. - № 4. - С. 49-87

²⁴ Климова М.Н. Миф о колдуне и очарованной красавице в русской литературе// Вестник ТГПУ. Серия: гуманитарные науки (филология), 2007. – Вып. 8– С.60-66.

Второй уровень представляет собой отражение читательского «горизонта ожидания». Он актуализирован в прямых упоминаниях традиционных образов западноевропейской демонологии: *граф Сен-Жермень*²⁵, *Алкивиад*, *Протей*, *Вечный Жид*, или *Агасфер*, *Мефистофель*, *Злой Дух*, *Призрак*, *Змей*, *Демон*, *Мельмот Скиталец*, *Магнетизер Вампир*.

Третий - глубинный - уровень текстовой организации повести «Кто же он?» образован двумя прецедентными текстами, отличающимися по «форме присутствия» в художественном тексте, но составляющими неразрывное единство в структуре авторского замысла: *комедия А.С.Грибоедова*, составляющая основу одной из коллизий, и трагедия У.Шекспира «Гамлет», аллюзии на которую присутствуют на различных текстовых уровнях: сюжетном, образном, мотивном, уровне художественной детали.

Ощущая глубинную внутреннюю связь образов Чацкого и Гамлета, Мельгунов в своей повести выступает в роли «истолкователя» гамлетизма и, по сути, в Чацком воплощает тип русского Гамлета. Но типологическое сходство героев не абсолютно, и это позволяет говорить о том, что образ Гамлета, включенный в произведение Мельгунова со всеми присущими ему коннотациями, не исчерпывает, но дополняет и усложняет представление о грибоедовском герое. Писатель подчеркивает не только внутренний трагизм, но и обреченность, нежизненность этого человеческого типа: Чацкий в повести Мельгунова предстает подобно Гамлету — как «ум, кипящий в действии пустом» (М.Ю. Лермонтов).

Доминантой, позволяющей вписать отдельные, менее значимые отсылки к другим текстам в создаваемую автором целостную художественную картину, в организации межтекстового пространства повести является гофмановская традиция. Н.А. Мельгунов обращается к глубинной проблеме творчества Гофмана: рассмотренные через призму конфликта Художник — общество, «грибоедовские» сцены повести теряют «очерковый» характер и обретают более глубокое смысловое наполнение.

---

²⁵ Сохранено авторское написание

ЛИТЕРАТУРА

По теме настоящего исследования были опубликованы следующие работы:

1. Ганина П.Д. Художественное своеобразие новеллы Н.А. Мельгунова «Кто же он?»: к проблеме гамлетовских мотивов // Междисциплинарные связи при изучении литературы: Сборник научных трудов. Вып. 5. – Саратов, 2014. – С.412-419.
2. Ганина П.Д. Рецепция комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» в новелле Н.А. Мельгунова «Кто же он?» // Материалы XXIII Страховских чтений. – Саратов, 2014. С. 140-150.
3. Ганина П.Д. Прием литературной игры в новелле Н.А. Мельгунова «Кто же он?» // Материалы XXIII Страховских чтений. – Саратов, 2014. С. 150-160.
4. Ганина П.Д. Рецепция образа Чацкого в новелле Н.А. Мельгунова «Кто же он?» // Сборник научных статей по итогам международной практической конференции «Филологическая наука в XXI веке. Взгляд молодых». – М., 2015. С. 118-123.
5. Ганина П.Д. Поэтика фантастического в повести Н.А. Мельгунова «Кто же он?» // Междисциплинарные связи при изучении литературы: Сборник научных трудов. Вып. 6. – Саратов, 2014. – С.35-43.